

Чжун Лицин продолжил:

— Знак, который был оставлен, принадлежит организации, за которой мы сейчас ведём расследование. Временно её называют «Глаз Голубого Алмаза». Они участвуют во всех событиях, связанных с нелегальными получеловеками, и, возможно, являются главными зачинщиками всех этих происшествий. Вы понимаете, о чём я говорю?

Цзян Лян с мрачным выражением лица произнёс:

— Какое отношение это имеет к этой маленькой стерве Цзян Синья? Разве не очевидно, что её убил кто-то из этой организации? Или здесь есть что-то ещё?

Признание Му Ваньянь о том, что Цзян Синья когда-то родила ребёнка, было словно пощёчиной для него. Он уже не мог испытывать ничего, кроме отвращения к Цзян Синья, не говоря уже о том, чтобы скрывать это, как это делала Му Ваньянь.

Поэтому, когда он упоминал Цзян Синья, его тон был крайне неприятным. Му Ваньянь смотрела на него так, словно хотела его съесть.

Чжун Лицин ответил ему:

— Изначально я думал так же. Хотя личная жизнь Цзян Синья была запутанной, её происхождение было простым, и всё можно было легко выяснить. Она не должна была иметь никаких связей с «Глазом Голубого Алмаза», но...

— Но что?

— Но в ходе нашего расследования события, связанного с пробуждением получеловека, мы обнаружили, что из приюта был забран один ребёнок. И, к несчастью, этим ребёнком оказался сын Цзян Синья.

Цзян Лян широко раскрыл глаза.

Чжун Лицин пристально смотрел на него, его глаза сверкали холодным металлическим блеском, и он медленно произнёс:

— Так что, вы всё ещё считаете это совпадением?

Цзян Лян не нашёл, что ответить. Теперь он понял, что Чжун Лицин расследует не просто смерть этой маленькой стервы Цзян Синья. Его настоящая цель — эта организация.

Из-за специфики Особого отдела у них есть право скрывать правду о смерти Цзян Синья. Их участие в этом деле было просто формальным уведомлением, а не запросом их мнения.

Цзян Лян, как глава семьи Цзян, на этот раз сохранял молчание. И только Цзян Синьхун, который молчал с самого начала, смотрел на Чжун Лицина, в душе бурлили беспокойные волны.

Внебрачный сын семьи Чжун, известный столичный повеса, и этот холодный министр с ледяным взглядом, который превосходил их всех, — кто же из них был настоящим Чжун Лицином?

Линь Е постучал пальцем по столу и спросил:

— Так что, смерть Цзян Синья и похищение ребёнка связаны с этой организацией? Ты что-нибудь выяснил?

Только Линь Е не испытывал никакого давления. Ему нужно было лишь доказать, что смерть Цзян Синья не была его рук делом, и он мог спокойно наблюдать за происходящим и насмехаться над Чжун Лицином.

Но теперь он, кажется, заинтересовался организацией, о которой говорил Чжун Лицин.

— Тогда спросите у госпожи Цзян, кто отец этого ребёнка?

— Неужели отец ребёнка Цзян Синья — это кто-то из этой организации?

— Именно так.

Сяо Ми тоже добавила:

— Госпожа Цзян, расскажите всё, что знаете!

На этот раз не только остальные, но даже Шэнь Цзялань заинтересовался.

Ребёнок, которого забрал Юй Бай. Юй Бай сообщил ему, что собирается усыновить этого ребёнка, и упомянул, что это ребёнок Цзян Синья, но не сказал, что он связан с кем-то из организации.

Так что, это совпадение?

Нет, как сказал Чжун Лицин, когда две вещи происходят вместе, это уже не просто совпадение.

Ребёнок Цзян Синья находится у Юй Бая, Юй Бай убил Цзян Синья, и здесь не хватает одного звена — причины, по которой Юй Бай убил Цзян Синья.

Теперь всё кажется логичным. Юй Бай что-то скрывает от него.

Шэнь Цзялань не верил, что Юй Бай предаст его. В то же время он не был настолько наивен, чтобы полностью доверять Юй Баю, особенно после того, как косвенно стал причиной смерти отца Юй Бая и убил человека, которого он глубоко уважал.

Случайно получив от Чжун Лицина ещё одну информацию, Шэнь Цзялань быстро связал все события в хронологическом порядке и быстро нашёл нужные ему сведения.

Возможно, он уже понял, что произошло...

Му Ваньбянь, на которую все смотрели с пристальным вниманием, чувствовала огромное давление. Она смущённо сказала:

— Я не знаю этого человека. Я только знаю, что, судя по времени, они познакомились, когда Яя было семнадцать лет. В то время моя Яя была ещё очень послушной...

Никто не знал, какие мысли были у девушки, выросшей в такой семье. Отец был известным ловеласом, и ходили слухи, что у него было много любовниц и детей на стороне. Мать постоянно злилась из-за этого и ссорилась с отцом, и после одной ссоры начиналась следующая.

Будучи единственной дочерью матери, она никогда не сомневалась в её любви. Она старалась оправдать ожидания матери, усердно училась, изучала различные дисциплины, такие как этикет, музыка, танцы и искусство, чтобы улучшить свои манеры и внешний вид. Каждое её движение должно было быть элегантным.

Она многое отдала, пожертвовала своими увлечениями, бесчисленными часами игр и возможностью стать настоящей собой.

Глядя в зеркало на свою яркую, как цветок, внешность, она чувствовала, что это была всего лишь марионетка, управляемая ниточками, красивая, но безжизненная.

Однажды она сказала матери: «Мама, я устала. Устала жить в маске, устала быть не собой».

— Я сожалею, что из-за своих желаний я заставляла её. Она говорила, что не любит балет, не любит красивые элегантные платья, не любит быть сдержанной, не любит жить по чужим правилам, не любит быть нежной и мягкой. Всё, что я хотела от неё, ей не нравилось. Она не хотела быть образцовой леди в глазах других... Затем она стала бунтовать, но она была счастлива. Она встретила мужчину, которому отдала себя. Она, должно быть, очень его любила. На самом деле, я знала, что она не была такой распутной, как все думали, что она спала со многими мужчинами. Она просто хотела понять, что такое любовь, это чувство, когда тебя лелеют и относятся с нежностью. Она думала, что это любовь, и она даже глупо верила в любовь. А этот мужчина так и не появился после того, как она родила ребёнка. В то время я

была в ярости, но я не знала, кто он...

В то время Цзян Синья была ещё молодой, и когда узнала, что беременна, первым, кому она рассказала, была Му Ваньянь. У Му Ваньянь в голове был настоящий шок, она была поражена и одновременно зла.

Она умоляла дочь сделать аборт, заставляла её взвесить все за и против, чтобы она могла выйти замуж без ребёнка, и это событие можно было бы забыть, как будто его не было. Но рождение ребёнка было другим делом. Это означало бы позор, и семья Цзян не простила бы ей такого скандала.

Но Цзян Синья твёрдо отказалась. «Нет, мама, я не буду слушать тебя».

Столкнувшись с упрямой дочерью, Му Ваньянь поняла, что она непреклонна. Дочь больше не была той мягкой и податливой личностью, которой была раньше. Её упрямство пугало даже мать.

В конце концов, они обе пошли на компромисс и достигли предварительного соглашения. Му Ваньянь согласилась помочь скрыть беременность до рождения ребёнка, а Цзян Синья должна была выполнить её просьбу — отдать ребёнка и никогда никому не говорить об этом.

Цзян Синья согласилась.

Му Ваньянь, хотя и была в отчаянии, на этом этапе могла только держаться изо всех сил, иначе она боялась, что Цзян Синья признается в том, что родила ребёнка вне брака.

Она не могла позволить своей дочери быть уничтоженной.

Му Ваньянь, имея опыт материнства, тайно помогала дома, так что Цзян Лян, чьи мысли были далеко от семьи, ничего не замечал. Когда Цзян Синья была на седьмом месяце беременности, она ходила перед ним, и он ничего не подозревал.

Когда время подошло, Му Ваньянь притворилась, что хочет поехать с дочерью за границу, чтобы отдохнуть на месяц или два. Цзян Лян, который был не в лучших отношениях с ней из-за обнаруженного внебрачного ребёнка, решил, что лучше не видеть их, и отпустил.

То ли они уехали на месяц, то ли на два, он не обращал внимания и не пытался связаться с Му Ваньянь.

В итоге всё прошло гладко.

Му Ваньянь, опасаясь, что их обнаружат, поехала в небольшую больницу. Когда она

ухаживала за дочерью, то всегда была закутана в шарфы и очки, чтобы её никто не узнал.

Однако, несмотря на всю её осторожность, остались некоторые следы. Но пока никто не стал бы проверять, они не были бы раскрыты.

<http://bllate.org/book/15261/1346589>